

Т е м а н о м е р а : Религия в современном мире: ракурсы проблемы

П о л и т и ч е с к и е р е л и г и и в с о в р е м е н н о м м и р е

Мациевич Ирина Викторовна – кандидат философских наук, профессор кафедры иностранных языков факультета Дизайна Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

E-mail: academy93@mail.ru

Семедов Семед Абакаевич – доктор философских наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

E-mail: sa-semed@mail.ru

Политические религии в современном мире

Аннотация

Политические религии (религиозные идеологии, политизированные религии) возникают в различных обществах и на различных этапах развития и принимают причудливые формы. Политические религии формируются на почве необходимости решить задачи модернизации: они являются современным феноменом, не связанным с архаикой. Одной из отличительных черт политических религий стал эклектизм.

Abstract

Political religions appear in the societies and have different forms. Political religion comes to life as an answer to modernization; it is a modern phenomenon without any connection to archaic life. Eclectic character is one of the most distinguished features of the political religion.

Ключевые слова: политическая религия, тоталитарная идеология, исламский фундаментализм, исламизм, теократия, цезарепапизм, метарассказ, идеократия, модернизация, джихад, МакМир

Keywords: political religion, totalized ideology, islamic fundamentalism, islamism, theocracy, caesarpapizm, met story, ideocracy, modernization, jihad, MacWorld

Влияние религии на политику

Политика и религия, являясь важнейшими подсистемами общества, на протяжении всей истории человечества находятся во взаимодействии и влияют друг на друга. Для того чтобы наглядно представить взаимосвязь религии и политики, необходимо определиться с дефинициями. Политика – одна из подсистем общества, «область в основном целенаправленных взаимоотношений между группами по поводу использования институтов публичной власти для реализации их общественно-значимых запросов и потребностей» [1, с. 85]. «Политика – многообразный мир отношений, деятельности, поведения, ориентаций, взглядов, коммуникационных связей между людьми по поводу власти и управления обществом...» [2, с.11]. Вкратце, политика – сложная система, структурными

элементами которой являются политические отношения, политическое сознание, политическая организация, политическая культура.

Определений «религии» более 200. Приведём примеры лишь нескольких из них. «Религия – мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), которые основываются на вере в существование (одного или нескольких) богов, «священного», т. е. такого начала, которое находится за чертой «естественного», недоступно пониманию человека» [3, с. 52]. Были попытки определения религии через понятие «сакральное» (Р. Отто, Э. Дюркгейм), религия рассматривалась и как «система ориентации» (Ж. Ваарденбург). Итак, составными элементами религии являются: религиозное сознание, религиозная деятельность, религиозные отношения, религиозные организации.

Проведя примитивный сравнительный анализ элементов религии и политики, можно предположить, что «в обоих случаях речь идёт об отношениях, сознании и организации» [4, с. 10]. Во многом похожи и функции религии и политики (регулятивная, интегративная...). Дискуссионным остаётся вопрос о политической функции религии. Являясь одной из важнейших сфер общества, религия оказывает мощное влияние на формирование мировоззрения людей (в том числе и политических деятелей), через него и на политическое поведение и политическую культуру. Соответственно, религия оказывает существенное влияние на принятие политических решений и на государственную (политическую) идеологию. На протяжении большей части истории государств религиозные деятели были главными идеологами.

Секуляризм Нового и Новейшего времени снизил степень влияния религии на политические системы. Однако трансформация политических систем привела к появлению синкретических форм религии, в том числе «политических религий». Знаковым в этой связи, на наш взгляд, представляется мнение английского религиоведа Н. Смарта («Мировоззрения: Кросскультурное исследование человеческих верований», 1983 г.) о том, что «современное религиоведение наряду с изучением традиционных вероисповеданий должно обратиться к рассмотрению светских символов и идеологий – национализма, марксизма, демократии, – которые зачастую соперничают с религией и в то же время, в каком-то важном смысле, сами являются религиозными» (цит. по: [5, с. 873]).

Процессы секуляризации и сакрализации также отражают степень влияния религии на политику. В тех обществах, где секуляризация не произошла (или она оказалась незавершённой) и религиозная сфера не дифференцировалась от политической, возникает возможность для появления политических религий. Этот термин был впервые использован немецким учё-

В тех обществах, где секуляризация не произошла (или она оказалась незавершённой) и религиозная сфера не дифференцировалась от политической, возникает возможность для появления политических религий.

ным Э. Фёгелином (работа «Политические религии», 1938 г.), который называет политическими религиями тотальные идеологии, подобные коммунизму, фашизму и национал-социализму. Эти идеологии, по его мнению, «служат в качестве обоснования национального единства, придавая политическому порядку квазирелигиозное измерение, хотя и в превращённой форме» [6]. Понятие «превращённость формы» указывает, что для Фёгелина «политическая религия» не представляет собой религии в собственном смысле этого слова: это идеология, обладающая всеми признаками религии, но она не предполагает веры в Бога. «Необходимо признать, что наряду с “потусторонними” религиями, основа которых коренится за пределами земного мира, существуют и “посюсторонние” религии, основа которых коренится в реалиях этого мира», – пишет современный итальянский исследователь В. Страда [7, с. 9].

Что же превращает некоторые идеологии в «религии», пусть даже «посюсторонние»? Это, безусловно, наличие ритуалов, имитирующих религиозные, вплоть до создания полных аналогов (к примеру, «октябрины» вместо крестин). Но внимание Э. Фёгелина, а затем и его последователей привлекло другое: откровенное сходство «духа», «пафоса» тоталитарных идеологий с религиозным духом и пафосом. Французский философ и социолог Р. Арон предложил термин «мирские религии» для обозначения доктрин, «которые занимают в душах наших современников место исчезнувшей веры и переносят спасение человечества сюда, в далёкое будущее, в виде общественного устройства, которое следует построить» [7, с. 9].

Русские философы, в частности, С. Булгаков и Н. Бердяев, в своём анализе русского социализма и коммунизма предвосхитили многое из того, что впоследствии напишут западные мыслители. Бердяев рассматривал социализм как религию, имеющую религиозно-социалистический пафос. Этот отчётливый религиозный дух привёл к тому, что многие религиозные группы (радикальные старообрядцы, апокалипсические секты типа хлыстов) сначала поддержали Великую Октябрьскую революцию 1917 г., несмотря на её официально заявленное богоборчество.

В. Страда приходит к парадоксальному выводу, что политические религии – «антирелигии» (см.: [7, с. 13]). С ним согласен и немецкий учёный Х. Линц. Однако, отметив религиозный пафос формально «светских» идеологий, мы возвращаемся к Э. Дюркгейму и его определению религии. Отсюда, коммунизм – религия в той мере, в какой у коммунистов есть чувство священного (сакрального). Многие учёные (Б. Тиби, Д. Мартин, Дж. Хейнс, Х. Хашимбекова, Р. Сикоев, Г. Мирский, С. Бабакин) рассматривают политическую религию как использование религии в политических целях. Здесь резонно ставится вопрос о том, чем является религия для

политики: средством или целью, или и тем, и другим. Нам представляется, что нужно чётко разделить понятия «политическая религия» и «использование религии в политических целях». Говорить о политизации религии можно тогда, когда политические средства используются в религиозных целях, а не наоборот.

Сами представители политических религий настаивают на том, что религия для них – не средство, а цель. Один из идеологов исламской революции аятолла М. Мотаххари писал, что «исламская революция – это не революционный ислам, для которого революция и борьба – цель, а ислам – средство борьбы», цель исламской революции – «установление ислама и реализация исламских ценностей» (цит. по: [9, с. 61]). Принципы «прогрессивного католичества» и «теологии освобождения» заключались в стремлении к Царству Божьему на земле и в обществе, т. е. в достижении чисто религиозных целей политическими средствами. Это подтверждает мысль Э. Дюркгейма о том, что для религии характерно признание приоритета сакрального над профанным: если религиозные цели не являются приоритетными для данного политического движения, то его нельзя назвать «религиозным».

Политическая религия – особая форма религии

По нашему мнению, политическая религия может быть определена либо как особая форма религии, которая обосновывает политическое действие, либо как форма идеологии, которая обосновывает политическое действие через апелляцию к потусторонним силам. Иначе говоря, политическая религия представляет собой гибрид религии и идеологии, посредническую форму, позволяющую связать религию с политическим действием. Большинство исследователей стремятся провести различие между «чистой» формой религии и «превращённой» – политической религией.

Политическое православие

В современной российской литературе появилось слово «православизм» (со ссылкой на С. Н. Булгакова), обозначающее религиозную идеологию, которая «не требует от своих адептов религиозной веры, но зато предполагает совершенно определённый вектор политических ценностей» [10, с. 64]. Некоторые исследователи отмечают, что «...применительно к России можно говорить о появлении “политического православия”... Кратко его можно определить как проект ресакрализации политики и одновременно политизации религии.

Политическая религия представляет собой гибрид религии и идеологии, посредническую форму, позволяющую связать религию с политическим действием.

Предполагается, что «политика должна зависеть от религии, а религия – активно участвовать в политике и её определять» [11]. Нам кажется уместным привести здесь пространную цитату из работы известного «православного» автора Е. Холмогорова, который считает, что «политическое православие ориентировано на поддержку национальной государственности, и, в особенности, российской государственности, поскольку такая поддержка безусловно предполагается доктринальными, вероучительными основаниями Православия». По его мнению, целью политического православия является «симфония», то есть согласование стратегических целей и предельных ценностей между государством, как политическим инструментом национального саморазвития, и Церковью, как «ковчегом спасения» для каждого отдельного человека и вместе с тем «лицом божественного Откровения народам» [12].

Это настоящий Манифест «политического православия». Важно определить, какими же методами, способами и инструментами апологеты «политического православия» собираются претворить в жизнь свои планы в обществе, которое состоит из представителей более 160 этносов и 70 религиозных направлений? Мы считаем неуместными и политически некорректными «рецепты» Е. Холмогорова для претворения их в жизнь в современном поликонфессиональном и многонациональном российском обществе. Однако, участие Холмогорова в многочисленных ток-шоу на телевидении в период выборов в Государственную Думу 2011 г. и президентских выборах 2012 г. говорит о популярности подобных идей не только в массовом сознании, но и среди политической элиты России. Политическое православие для России так же опасно, как и политический ислам, как и весьма своеобразная форма политической религии – коммунизм с советской спецификой.

Исламизм как форма политической религии

Когда на передний план выдвинулось изучение взаимодействия религии и политики (эти процессы начались в науке после иранской революции 1979 г.), термин «политическая религия» стали применять для обозначения политизированных версий ислама. В таком смысле употребляют этот термин западные политологи Дж. Хейнс, П. Ван дер Веер и другие [13, с. 311–312]. Некоторые либералы высказывались по этому поводу очень жёстко. Так, Ф. Фукуяма предположил, что исламский фундаментализм «отнюдь не поверхностно напоминает европейский фашизм», а Д. Пайпс настаивает на введении термина «исламизм», потому что «этот феномен является “измом”, сравнимым с другими идеологиями двадцатого века» [14, с. 90].

Для большинства учёных различие между исламом как религией и исламизмом как идеологией выглядит очевидным. В мусульманском мире тоже используется термин «исламизм» (аль-ислабийюн). Это прибавление «измов» (исламизм, православизм) в глазах некоторых учёных означает отклонение политической религии от «собственно религии», то есть «пути личного спасения». Немецкий политолог Б. Тиби отвергает термин «исламизм», так как, по его мнению, использование этого понятия сводит политизацию религии только к исламу, скрывая глобальный характер этого явления (см.: [15; 16]). Российский исламовед А. Игнатенко считает, что «исламизм – это идеология и практическая деятельность, направленная на реализацию проекта по созданию политических условий для применения исламских (шариатских) норм во всех сферах человеческой жизнедеятельности» [17, с. 40].

Нам кажется, что «исламизм» – это политизированный ислам, хотя такое понимание данного понятия оставляет вопрос: а существует ли ислам вне политики? В мусульманском мире имеется множество политических партий, построенных и действующих на принципах ислама. Такие партии есть в Египте, Ливане, Иране, Турции, Пакистане. В западной, да и в российской политологии их принято называть «исламистскими». Большинство из них проявляют прекрасную гибкость и способность к адаптации к складывающимся политическим условиям.

Политические религии и тоталитарные идеологии

Термин «политическая религия» для обозначения религиозных идеологий тотального характера не является устоявшимся. Понятия «тоталитарная идеология» и «политическая религия» некоторые учёные стали использовать как синонимы [18, с. 119–128]. Тоталитарные идеологии отличаются от обычных чертами, которые приближают их к религии. Как и религия, тоталитарная идеология стремится контролировать все сферы человеческой жизни: она уничтожает понятие «частная жизнь». Тоталитарные идеологии также несовместимы ни с какими другими религиями и стараются уничтожить конкурентов (см.: [19, с. 130]).

Ж. Т. Тощенко вводит термин «теократия» для обозначения идеологии, целью которой является построение государства на базе религиозных канонов (см.: [20, с. 60]). Такое использование данного термина не представляется удачным, так как он обозначает скорее систему правления, чем идеологию. Несколько иначе понимает теократию немецкий политолог Х. Линц, который выстраивает сложную цепочку различных форм взаимодействия религии и политики, включающую:

«теократию» или «цезарепапизм», затем «политизированную религию», затем «дружественное отделение государства от церкви», затем «враждебно-лаицистическое отделение государства от церкви» и, наконец, «политическую религию», которую он понимает абсолютно в духе Э. Фёгелина (см.: [6, с. 134]).

Использование термина «теократия», на наш взгляд, поддерживает иллюзорное мнение, что можно построить стабильное, крупномасштабное политическое сообщество непосредственно на религиозных принципах. Создать такое сообщество можно только на ограниченный период времени и на ограниченном пространстве (город, коммуна, община). История знает немного примеров теократических режимов, но они никогда не распространялись на целые государства. Всего год (1534–1535) просуществовала коммуна анабаптистов в Мюнстере (Вестфалия). Анабаптисты упразднили деньги, торговлю, моногамную семью. Горожане воспринимали себя как единую общину – зародыш нового религиозно-политического порядка, который связывался с наступлением Царства Божьего на Земле. Несколько дольше – около 20 лет – просуществовала теократическая диктатура Ж. Кальвина в Женеве. Первую мусульманскую общину во главе с Мохаммедом – Мединскую политию – тоже можно отнести к теократиям.

Теократические режимы являлись попытками непосредственно воплотить в жизнь религиозные принципы, нисколько не приспособливая их к реальной действительности. В этом смысле они могут быть приняты за идеал – но идеал недостижимый, так как практическое руководство государством или другим крупным политическим сообществом неизбежно потребует отступлений от первоначальной доктрины. Об этом справедливо писал И. А. Ильин, размышляя о том, почему церкви не следует непосредственно осуществлять политическую власть: «...Тоталитарная церковь должна содержать армию и полицию...; она должна усмирять беспорядки, собирать налоги, созидать флот, изоцряться на всех кривых путях дипломатии...» [21, с. 402]. Для осуществления политической власти необходимо то, что А. В. Митрофанова называет «идеологией-посредником»: «политическая религия представляет собой идеологию, дающую возможность приложить религию к политике» [22, с. 16]. Политический строй в данном случае является не теократическим, а идеократическим; он строится не непосредственно на религиозных принципах, а на принципах соответствующей идеологии.

Сущность идеократического государства охарактеризовал русский философ Н. Трубецкой. Он отмечал, что «при идеократическом режиме... государство не беспринципно, а исповедует определённое мирозерцание, при этом мирозерцание постоянное, не зависящее от исхода выборов или каких бы то ни было других внешних событий или обстоя-

Теократические режимы являлись попытками непосредственно воплотить в жизнь религиозные принципы, нисколько не приспособливая их к реальной действительности.

тельств» [23, с. 511]. Правящий слой данного государства отбирается по принципу готовности принести себя в жертву идее-правительнице (см.: [23, с. 519]). Эта концепция, которая звучит вполне естественно для стран Востока и России, выглядит полностью неприемлемой для современного Запада. Отрицание идеократии обусловлено господством постмодернистского мировоззрения, которое отвергает необходимость правящих идей в какой-либо сфере бытия.

Политические религии в современном западном обществе

Французский философ-постмодернист Ж.-Ф. Лиотар ввёл термин «метарассказ» (метанарратив) для обозначения систем, объясняющих смысл существования мира и человека. К метарассказам относятся религии, идеологии, этические и эстетические системы. В период постмодерна западная цивилизация агрессивно распространялась по всему миру, подавляя и уничтожая другие культуры, ассимилируя их остатки. Это вело к уничтожению культурного разнообразия мира.

Отсутствие основополагающего принципа, который обосновывал бы и оправдывал всё остальное, можно назвать «десакрализацией» политики. Из политической жизни исчезают абстрактные ценности, во имя которых можно было бы чем-либо жертвовать. Переориентация политики с действия во имя абстрактных принципов и надличностных институтов на действие во имя жизни и благополучия отдельного человека является одной из характеристик постмодернистской политической культуры. Эта культура построена на «ценностях повседневности», а не на «ценностях абсолюта». Человеческие и иные жертвы, приносимые во имя абстрактных принципов или надличностных общностей, больше не воспринимаются большинством людей как оправданные.

Западное общество не свободно от идеологического диктата, здесь царит ничуть не менее жёсткая идеократия, чем, к примеру, в Иране. Однако в рамках политической культуры постмодерна власть и управление приобретают иной характер. Они основываются не на принципах диктата и насилия над волей, а на непрямом контроле, убеждении и эмоциональном давлении. Сейчас власть всё больше означает «скрытую» власть; скрытую настолько, что её можно обнаружить только специальными средствами. Современное управление человеческим поведением основано не на прямом силовом диктате, а на «управлении через воспитание». Формальные институты власти в западном обществе связаны большим количеством ограничений, и это даёт человеку ощущение «свободы» от всякого внешнего контроля. На самом деле контроль осущест-

Западное общество не свободно от идеологического диктата, здесь царит ничуть не менее жёсткая идеократия, чем, к примеру, в Иране. Однако современное управление человеческим поведением основано не на прямом силовом диктате, а на «управлении через воспитание».

вляется по-прежнему, он даже усиливается, так как теперь человек контролируется не «снаружи», но «изнутри», он как бы запрограммирован всем своим воспитанием на следование тем или иным правилам поведения. В результате, если против внешнего контроля почти всегда, рано или поздно, происходит восстание, то внутренняя несвобода, как правило, не осознаётся. Современная пропаганда настолько успешна, что средний человек искренне убеждён, что уж он-то поступает абсолютно свободно.

Исчезновение «метарассказов» вызвало у людей глубокие психологические проблемы. Известный американский психолог В. Франкл утверждал, что современный человек «страдает от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты» [24, с. 24]. Это связано с тем, что «человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые в конечном счёте парализуют его способности действовать, а значит и жить» [25, с. 28]. Потребность в метарассказе сохраняется даже у людей Запада, что побуждает их обращаться к различным экзотическим религиозным традициям (например, в моду вошло изучение Каббалы), заниматься йогой и медитациями, а иногда – вступать в различные секты, жёстко ограничивающие свободу индивида. Если говорить о незападных культурах, то они не могут существовать без метарассказов.

Представляется, что политические религии актуализируются в результате неудачной модернизации и неполной секуляризации, поэтому их нельзя оценивать как нечто архаическое. Политические религии – явление современное. Американский учёный Б. Лоуренс настаивает на современности («модерности») фундаментализма (он предпочитает использовать для обозначения протестных религиозных движений именно этот термин, признавая его несовершенство). «Начиная с аятоллы Хомейни, мусульманские фундаменталисты добились значительного успеха именно потому, что наладили отношения с современным миром, даже будучи в оппозиции к нему. Исламские фундаменталисты, как любые фундаменталисты, являются анти-модернистски современными», – пишет Лоуренс [26, с.14]. Он указывает на черту, которая очевидна для всех исследователей политических религий: их двойственное отношение к современности. Они вроде бы объявляют ей войну и получают ярлык «обскурантистов», в то же время как теория, так и практика политических религий демонстрируют их вызывающую современность.

Для анализа этой двойственности полезно обратиться к книге американского философа Б. Барбера «Джихад против МакМира» (1996). Барбер назвал формирующуюся глобальную

На самом деле контроль осуществляется по-прежнему, он даже усиливается, так как теперь человек контролируется не «снаружи», но «изнутри», он как бы запрограммирован всем своим воспитанием на следование тем или иным правилам поведения. В результате, если против внешнего контроля почти всегда, рано или поздно, происходит восстание, то внутренняя несвобода, как правило, не осознаётся.

Черта, которая очевидна для всех исследователей политических религий: их двойственное отношение к современности. Они вроде бы объявляют ей войну и получают ярлык «обскурантистов», в то же время как теория, так и практика политических религий демонстрируют их вызывающую современность.

культуру «культурой МакМира», то есть глобализированного мира. Учёный концентрирует внимание на отрицательных составляющих глобализации культурно-информационного пространства: «Всё больше и больше людей по всему миру смотрят фильмы, которые всё меньше и меньше различаются», – отмечает он [27, с. 89]. Голливудские фильмы, телепрограммы (сериалы и MTV), программы новостей, компьютерные игры – способы выйти из рамок родной культуры и попасть в МакМир. Почти повсеместно первые строки хит-парадов занимают одни и те же песни и фильмы, списки бестселлеров – одни и те же книги (далеко не шедевры).

МакМир опасен тем, что не даёт человеку возможности выбора, приучает его мыслить определёнными штампами и судить об окружающем мире на основе не собственных впечатлений, а эмоций, вызванных виртуальными (часто фальсифицированными) образами. Отрицательную реакцию незападных культур на МакМир Барбер обозначает как «джихад» (в данном случае слово используется как символ и не связано исключительно с исламом). Джихад, разумеется, ведётся против МакМира, но при этом ещё и посредством МакМира. Например, любой может выйти на сайт, где содержатся радикальные антизападные материалы религиозно-политического характера. Как только появились признаки наступления глобальной культуры, тут же появилась и реакция на неё, которая немедленно воспользовалась технологическими средствами, которые глобальная культура считала своими. Сначала люди воспитываются в рамках массовой культуры, затем предпринимают бунт против неё, используя её же средства. В этом смысле, джихад – не только противник, но и дитя МакМира (см.: [27, с. 157]). Появляются такие двусмысленные культурные феномены, как рок-музыка крайне правого или крайне левого направления; компьютерные программы, обучающие Корану. Телеислам в виде катарского «Аль-Джазиры» мы уже имеем. Существуют телеевангелизм и евангельская поп-музыка. Уже возникла православная поп-музыка: её связывают с именем Игоря Талькова, которого некоторые православные радикалы даже почитают как святого (что, конечно, не имеет церковной санкции). Православная рок-музыка также есть: например, группа «Алиса» К. Кинчева.

Использование кем бы то ни было той или иной религии не является политической проблемой. Несмотря на то, что религиозные идеологии лишь отдалённо напоминают исходные религии, именно они служат «основой массовых политических действий». Политическим религиям присуща дуалистичность восприятия мира как арены противостояния «своих» и «чужих», причастных небесному и отвергающих его. Раздел, в их понимании, проходит не между православными и неправославными, мусульманами и немусульманами,

Несмотря на то, что религиозные идеологии лишь отдалённо напоминают исходные религии, именно они служат «основой массовых политических действий». Политическим религиям присуща дуалистичность восприятия мира как арены противостояния «своих» и «чужих», причастных небесному и отвергающих его.

иудеями и неиудеями..., а между «нашими» и «всеми остальными». К «не-своим» относятся чаще всего иерархи данной религии, религиозные и государственные деятели, с чьими идеями и делами представители «политических религий» не согласны. В то же время своими сторонниками они считают не только приверженцев своей религии, но и всех тех, кто их поддерживает: атеисты, представители других религий.

Сразу после исламской революции в Иране аятолла Хомейни взял на вооружение призыв «Обездоленные всех стран, соединяйтесь!», заимствованный им у либерального философа Али Шариати. Напрашивается аналогия с марксистским «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Впрочем, и хомейнизм, и коммунизм, и католическая «теология освобождения», и кутбизм (идеология экстремистской международной организации «Братья-мусульмане», разработанная египетским религиозным деятелем Сейидом Кутба в 1950–1960-х гг.), и десятки подобных феноменов являются современными формами политических религий.

Сторонники политических религий могут вообще не быть верующими людьми в традиционном смысле: они не исполняют предписаний своей конфессии, не придерживаются обрядов. Они исповедуют не религию, а религиозную идеологию. Примерами таких деятелей служат: Д. Дудаев, А. Масхадов, М. Удугов, Н. Хачилаев... Мы согласны с А. В. Митрофановой, которая констатирует: «...Политическая или политизированная религия представляет собой идеологию, позволяющую приложить религию к политике» [1. с. 115].

Политические религии отрицают не модернизацию, а вестернизацию и рассматривают религию как движущую силу развития.

Политико-религиозные движения не столько защищают традиционное общество от этих (секуляристских) вторжений, сколько пытаются творчески интерпретировать религиозную традицию таким образом, чтобы прийти к альтернативным моделям социетальной трансформации. Эти движения не являются консервативными или реакционными, но стремятся к коренной трансформации общества.

Общие черты политических религий

Современный характер политических религий обуславливает присущие им общие черты:

- политические религии свободно относятся к догматике и практике исходных религий, иногда допуская существенные отклонения и заимствования из других религий или светских идеологий. Почти все политические

Политические религии отрицают не модернизацию, а вестернизацию и рассматривают религию как движущую силу развития.

Почти все политические религии содержат заимствования из социализма, даже те, которые провозглашают принципиальный антикоммунизм.

Политические религии отличаются крайним эклектизмом. Это заставляет оценить их даже не как модернистское, а как постмодернистское явление.

религии содержат заимствования из социализма, даже те, которые провозглашают принципиальный антикоммунизм;

- политические религии могут рассматривать сторонников исходной религии как противников (если те не разделяют их взглядов), а сторонников других религий считать полностью «своими». Как правило, первый удар сторонники политических религий, решившие перейти к насилию, наносят по своим единоверцам. При этом многие из них, как аятолла Хомейни, обращаются со своими посланиями не меньше, чем к «угнетенным всего мира»;
- политические религии отличаются крайним эклектизмом. Это заставляет оценить их даже не как модернистское, а как постмодернистское явление. Хотя политические религии принципиально враждебны постмодернизму, отрицающему «идею» или «метарасказ», они и сами не свободны от постмодернистского влияния.

Политические религии – феномен, распространённый во всём мире. Он имеет место как в обществах Запада, так и в Латинской Америке, Азии и Африке. В различных обществах и на различных этапах их развития он принимает причудливые формы. Есть ли перспективы у «политической религии» как социального явления? Однозначно, да. И изучение данного феномена ещё только началось.

Библиографический список

1. Митрофанова А. В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. 2008. № 1. С. 109–119.
2. Ирхин Ю. В. Политология. Изд. 2-е. М., 1996.
3. Философский Энциклопедический Словарь. М., 1989.
4. Нуруллаев А. А., Нуруллаев Ал. А. Религия и политика. М.: КМК, 2006.
5. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический Проект, 2006.
6. Voegelin, E. Die politischen Religionen (Schriftenreihe "Ausblicke"). – München, Wilhelm Fink Verlag, 1993.
7. Страда В. Размышления о «политических религиях» XX века // Религия и политика в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2005.

8. Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
9. Юртаев В. И. Иран: студенты в исламской революции. М.: Наука, 1993. С. 61.
10. Зуев Ю. П. Религиозно-конфессиональные отношения и общественная стабильность // Политика. Зима 1997–1998.
11. Кырлежев А. Политические религии [Электронный ресурс] // Религия и СМИ. 09 октября 2003. URL: http://www.religare.ru/2_6814.html (16.02.2012).
12. Холмогоров Е. Религии последнего времени [Электронный ресурс] // Правая.ru. Вестник чёрной модернизации. 24 мая 2005 г. URL: <http://pravaya.ru/leftright/472/3362> (16.02.2012).
13. Van der Veer, P. Political Religion in the Twenty-first century // International Order and the Future of World Politics. Ed. by T. V. Paul, J. A. Hall. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
14. Pipes, D. Islam and Islamism. Faith and Ideology // The National Interest. Spring 2000.
15. Тибби Б. Политизация религии // Internationale Politik. 2000. № 2.
16. Tibi, B. The Challenge of Fundamentalism. Political Islam and the New World Disorder. – Berkeley: University of California Press, 1998.
17. Игнатенко А. А. Ислам и политика: Сборник статей. М.: Институт религии и политики, 2004.
18. Gurian, W. Totalitarianism as Political Religion // Totalitarianism. Ed. by Carl J. Friedrich. New York: Grosset & Dunlap, 1964.
19. Linz, J. J. Der religioese Gebrauch der Politik und/oder der politische Gebrauch der Religion. Ersatzideologie gegen Ersatzreligion // «Totalitarismus» und «politische Religionen». Konzepte des Diktaturvergleichs. H. Maier (Hrsg.). Paderborn, etc.: Ferdinand Schoenigh, 1996. Band 2. Maier, H.; Schaefer, M. (Hrsg.). 1997.
20. Тощенко Ж. Т. Теократия: фантом или реальность? – М.: Academia, 2007.
21. Ильин И. А. Церковь и жизнь // Православие: pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.

22. Митрофанова А. В. Политизация «православного мира». М.: Наука, 2004.
23. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.
24. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
25. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.
26. Lawrence, B. Defenders of God: the Fundamentalist Revolt against the Modern Age. S. F.: Harper and Row, 1989.
27. Barber, B. Jihad vs. McWorld. N.Y.: Ballantine books, 1996.